

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-6

DOI: 10.17223/19986645/65/11

А.Ю. Горбенко

ОВИДИИ С ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ БЕРЕГОВ: АВТОМИФОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.¹

На материале художественной прозы, публицистики, эпистолярных текстов и мемуарных свидетельств исследуются автомифотворческие самопроекции на фигуру Овидия, предпринимавшиеся знаковыми сибирскими литераторами рубежа XIX и XX вв. – Н.М. Ядринцевым и Г.Д. Гребеничковым. Обосновывается, что оба автора (при всех различиях дискурсивных механизмов) в процессе конструирования своих мифо-биографических нарративов реципитовали овидиевский изгнаннический сюжет, используя в качестве посредника (жизне)творческий опыт А.С. Пушкина.

Ключевые слова: *Овидий, Н.М. Ядринцев, Г.Д. Гребеничков, областничество, литература эмиграции, автомифотворчество, житнетворчество, ролевая модель.*

На протяжении последней четверти века в исследованиях, посвященных литературе русской эмиграции «первой волны», интенсифицировалось обсуждение насущной потребности поэтов и писателей диаспоры в разного рода автоописаниях. Так, И. Паперно показала, что для художников первой трети XX в. центральной поведенческой моделью стал житнетекст А.С. Пушкина [1]. Из последних работ, написанных на эту тему, можно назвать монографию Е.Е. Анисимовой, в центре которой находится исследование механизмов и прагматических задач рецепции творческого наследия и биографических образов «классиков» (на примере В.А. Жуковского) представителями литературы диаспоры в рамках концепции завершения культуры золотого века, свидетелями которого они стали (см.: [2]).

Разумеется, вопрос не ограничивается самопроекциями на писателей «классиков». В качестве ориентиров в процессе самоопределения могли выступать фигуры музыкантов, живописцев или даже святых (в первую очередь – Сергия Радонежского). При этом образцы для самоопределения регулярно трансформировались в ролевые жизнестроительные модели. Эта

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

характерная взаимосвязь четко просматривается в случае Георгия Гребенщикова, сибирского писателя, который в 1920 г. покинул Советскую Россию. В эмигрантский период Гребенщиков активно конструировал идентичность, основанную на сочетании двух понятий – «изгойничества» и «вестничества». Причем в первые годы эмиграции в его публицистике и эпистолярной преобладала идея изгойничества. Так, в очерке 1923 г. «Саркофаг Наполеона» встречается следующая самооценка: «...скромный чужеземец, изгнанник своей родины» [3. Т. 3. С. 448]. Однако уже через год, в очерке «Русский жемчуг», Гребенщиков находит эффектную метафору русской эмиграции, рассуждая о рассыпанных «жемчужинах русского искусства», собирающихся затем в «неслыханно чудесное ожерелье со значением всемирной миссии», в силу чего «становится осуществимой единой для всех русских людей мечта о родине, которая родину нашей делает весь мир» [Там же. Т. 4. С. 415]¹. В 1926 г. в лекции под названием «О Красоте» писатель еще более решительно переосмысливает значение эмиграции (и, соответственно, собственное место внутри нее).

Нам необходимо знать, что бессмертные вестники всероссийской культуры, дети нашей русской красоты, разлетелись по всему земному шару и всюду на разные лады прославляют и возвеличивают русское имя, всюду без слов поют гимны России.

Так что Красоту и силу Русской Культуры теперь нельзя истребить до скончания веков, ибо эти вестники, посланники России, тайно или явно ушедшие во все концы земли: картины, ноты, книги, песни, артисты, искусные руки рабочих, гениальные мысли ученых, и даже просто всероссийское великое страдание и терпение – разве это не самая лучшая весть миру о том, что Россия не только не умрет, но что, напротив, русские границы расширяются до беспредельности [5. Л. 5]².

Как отмечает Г. Тиме, в литературе русской эмиграции 1920-х гг. изгнание, как правило, концептуализировалось как путешествие, т.е. времен-

¹ Необходимо, однако, отметить, что и до, и после 1924 г. подобная концептуализация феномена эмиграции соседствовала в текстах Гребенщикова с резко негативными описаниями диаспоры. Так, в письме Горькому от 29 марта 1922 г. читаем: «...с ручкой за помощью не хожу, с кашанной эмиграцией не общаюсь, да и “коммунистической” недолюблю. Живу особняком и жду хорошей поры в России» [3. Т. 3. С. 478]. Ср. в письме И.Г. Савченко (7 декабря 1926 г.): «...как-то эмигрантщина становится невыносимой. Никаких достижений, распад, грызня, “яма” и – умирание. Мне очень хотелось бы, чтобы Ты постепенно уходил от этих людей прошлого. Наше с тобой дело – будущее. <...> Посмотрим просто в будущее и перешагнем все пороги и препятствия. Сибирь – вот где мы можем развернуться. Или же Америка, хотя бы в Европе, но Америка – американская энергия, находчивость, подвижность где бы мы ни очутились. И тогда мы вечно будем молоды, свободны и богаты духом» [Там же. Т. 4. С. 474]. Ср. также отзыв об эмигрантской литературе в очерке «Русские в далеком Уругвае (Из переписки с в рассеянии сущими)» (1937): «...если быть беспристрастным и добросовестным, можно отобрать не мало и жемчужных зерен в этом беспочвенном навозе» [4. Л. 2].

² Текст приведен в соответствие с современным нормам орфографии.

ное отсутствие в «своем» пространстве с последующим возвращением в него [6]. В случае Гребенщикова дело обстояло сложнее. Вторая жена писателя Т.Д. Гребенщикова (Стадник) в 1934 г. свидетельствовала, что отъезд писателя из России состоялся «добровольно, на свой счет, вне эвакуации с намерением издать свои труды за границей и затем проехать на Дальний Восток и в Сибирь, на Родину, но развернувшиеся события задержали его за границей» (цит. по: [7. С. 33]). Однако в начале 1920-х гг. Гребенщиков описывал свой добровольный отъезд как изгнание, а несколько позднее, в рамках общей парадигмы, это изгнание характеризовал как путешествие, наделенное высоким телеологическим смыслом. «Нас выпнали в узкие двери из России, – писал он в одном из очерков, – а мы войдем в нее через широкие ворота чудесной и всемирной славы красоты русского не умирающего духа» [3. Т. 4. С. 415].

Итак, интерпретируя феномен собственной эмиграции и – шире – русской эмиграции вообще как мессианскую культурную экспансию, Гребенщиков использовал парадигмальный для эмиграции «первой волны» способ самоопределения, афористически выраженный в известных словах (атрибутируемых то З.Н. Гиппиус, то Д.С. Мережковскому, то Н.Н. Берберовой): «Мы не в изгнании, мы в послании».

С другой стороны, писатель усложнял эту ключевую тенденцию. В 1926 г. он начал работать над публицистической книгой, составленной из посланий к адресатам, рассредоточенным по разным континентам, и озаглавил ее «Гонец. Письма с Помперага». Это название содержит в себе отчетливую фоно-семантическую аллюзию на овидиевские «Письма с Понта». Оба заглавия построены по идентичной модели и содержат гидроним (Помпераг – небольшая река в штате Коннектикут). Как нам представляется, Гребенщиков использует эту отсылку к изгнанническому опыту Овидия, автора «Писем с Понта», для усиления риторической и поведенческой позы изгнанника, которую он, как уже говорилось, активно разрабатывал в середине 1920-х гг.

Хорошо известно, что Овидий вошел в историю европейской культуры как поэт-изгнанник, который несправедливо пострадал от власти в лице императора Октавиана Августа¹ и создал «традицию стихов об изгнании» [8. С. 203]. Гребенщиков же в письме к И.А. Бунину от 31 марта 1939 г. объяснял свой отъезд в Америку кампанией «собратьев в Европе», направленной против него.

Куприн, если Вы заметили, первый написал обо мне в “Возрождении” ошеломивший меня пасквиль. Некая Даманская, которой я не мог устроить карьеру в Холливуде [sic! – А.Г.] с ее пьесой, открыто вела против меня кампанию. Г-жа Гиппиус писала обо мне явно недоброже-

¹ Анализ гипотез о том, в чем именно состояла вина Овидия, см.: [8. С. 199–200]. М.Л. Гаспаров придерживается версий, возникших в XX в. и сводящихся к тому, что Овидий был наказан не только несправедливо, но и без объявления какой-либо вины [Там же. С. 200].

лательные строки в “Совр<еменных> записках”. Милуков не принял моего рассказа в “Посл<едние> нов<ости>”. Алданов уклонился от участия в журнале, который я здесь затевал, правда к лучшему, т<ак> к<ак> здесь ничто порядочное долго существовать не может. <...> Словом, много причин для *замкнутой* (курсив наш. – А.Г.), упорной работы [9. С. 249–250].

Как видно, Гребенщиков создает образ Поэта-изгнанника, пострадавшего от литературной элиты¹, в свою очередь, согласно концепции П. Бурдье, являющейся средоточием символической власти [10. С. 24 и сл.]. Это позволяет рассматривать сюжет персонального мифа Гребенщикова как структурно и функционально изоморфный сюжету овидиевской биографии.

Тот факт, что, кроме содержащейся в названии реминисценции, проекция на Овидия никак не эксплицирована в тексте «Гонца», может быть объяснен тем, что Гребенщиков зачастую предпочитал скрывать многие важнейшие источники своих жизнетворческих стратегий. С другой стороны, интертекстуального сигнала, содержащегося в названии, как представляется, вполне достаточно для интерпретации интересующего нас жизнестроительного сюжета в перспективе овидиевского мифа.

Сложно с уверенностью сказать, насколько хорошо Гребенщикову были известны понтийские элегии Овидия – читал ли он их или знал лишь название книги и был отдаленно знаком с ее содержанием. Во всяком случае, это знакомство вполне вероятно, если учесть, что первые (прозаические) переводы «Писем с Понта» на русский язык были выполнены еще в конце XIX в.

Кроме того, в самом начале «Писем с Понта» возникает мотив «пришлых книжек», нуждающихся в приюте. Первое письмо книги Овидия, адресованное Бруту, начинается так:

Публий Назон, давно в отдаленных Томах осевший,
С гетских глухих берегов шлет тебе эти стихи.
Если удастся тебе, приюти эти пришлые книжки,
Где-нибудь в доме твоём место для них отыщи.
Скованы страхом, они сторонятся общественных зданий,
Воображая, что я им этот путь преградил.
Сколько я им не твержу: «Ваше слово нечестью не учит,
Ваш целомудренный стих вам отворит эту дверь!»
Слушать они не хотят и к тебе с надеждой стремятся:
Ларов домашних покой им безопасней всего.
Спросишь: «Куда их деть, чтоб никто не остался в обиде?»
Пусть эти книги займут место забытых «Наук».

¹ Между тем описания «травли» существенным образом расходились с реальным положением дел: Гребенщиков переехал в Америку в качестве сотрудника музея Н.К. Рериха по личному приглашению последнего.

«Что им здесь делать?» – вопрос твой растерянный явственно
 слышу.

Их без вопросов прими – слово их чуждо любви.
 Сразу тебе скажу: хоть нет в их названии скорби,
 Не веселее они книг, что я прежде писал.
 Ново название одно, а суть неизменной осталась,
 Но не скрываю имен тех, кому это пишу.
 Вас испугают стихи, но от них никуда не укрывься,
 И на порог ваш придет робкая Муза моя.
 К прежним стихам приложи и эти: изгнанника детям
 В город вход не закрыт, если закон соблюден [11. С. 86].

Этот овидиевский мотив книг – «детей изгнанника» отчетливо переключается с часто встречающимся в сочинениях Гребенщикова 1920-х гг. мотивом книг-вестников, усвоенным автором «Писем с Помпеярага» из сочинений семьи Рерихов и их круга. Любопытно в этой связи, что Н.К. Рерих, безусловно, знал об Овидии: имя римского поэта встречается в одном из «листов дневника» Рериха, носящем название «Русский язык» [12. С. 155].

В конечном счете для того, чтобы сконструировать отмеченную интертекстуальную связь, досконального знакомства с полным текстом книги Овидия Гребенщику не требовалось – вполне достаточно было лапидарного пересказа или даже знания ключевых фактов биографии римского поэта и того, что он был автором «Писем с Понта».

Вместе с тем Гребенщиков мог адаптировать «овидиевский» изгнаннический сюжет не только напрямую, но и сквозь призму пушкинского мифа. Это предположение поддерживается общей ориентацией Гребенщикова на пушкинский житнетекст, с разной степенью отчетливости эксплицировавшейся на протяжении всей его полувековой писательской карьеры¹.

В таком случае овидиевское влияние уже практически невозможно отличить от пушкинского: обе прототипические ситуации («Овидий в изгнании» и «Пушкин в изгнании») соединяются в гребенщиковском житнетексте до полного неразличения².

По словам Ю.М. Лотмана, «отождествление себя с Овидием, а Александра I – с лукавым деспотом Августом <...> давало Пушкину и жизненную роль, и масштаб для измерения собственной личности». «Для Александра I <...> Пушкин был ничтожным чиновником, подвергшимся правительственному взысканию. Пушкин предлагал сам себе и читателям другое объяснение: он – Овидий, поэт, сосланный тираном» [14. С. 66]. Кроме того, как показывает И.В. Немировский, Пушкин обратился к образу Овидия именно в момент сдвига в автоинтерпретациях «южной» ссылки: от

¹ Подробнее об этом см.: [13. С. 76–79].

² Такой способ рецепции овидиевского текста («через Пушкина») стал в русской литературе (особенно – в поэзии) XX в. традиционным, ярче всего реализовавшись в случаях О.Э. Мандельштама и И.А. Бродского.

добровольного отъезда к изгнанию [15. С. 19]. Сходным образом, как это явствует из приведенных примеров, поступал и Гребенщиков.

Наконец, автор «Гонца», активно сотрудничавший в сибирских (в частности, томских) журналах и хорошо знакомый с областническим наследием, вполне мог учитывать также более близкий ему и в хронологическом и в географическом смысле прецедент – литературный опыт «старшего» областника Н.М. Ядринцева, испытавшего (подобно Пушкину, но в более суровой форме) политические репрессии.

Ядринцев, побывавший вместе с другим лидером областнического движения Г.Н. Потаниным в тюрьме и ссылке по громкому «Делу об отделении Сибири от России», при разработке проблемы русских переселенцев в Сибирь использовал множество псевдонимов, одним из которых был «Овидий с Томи» (см.: [16. С. 103]).

В письме к Потанину от 4 марта 1873 г. Ядринцев, приводя фрагмент из овидиевских «Писем с Понта» по книге знаменитого британского антрополога Э.Б. Тайлора, признавался: «Я давно уже хотел избрать себе псевдоним Овидия с Томи, употребляя его при случае <...>». Любопытно, что на тот момент Ядринцев еще не был знаком с книгой Овидия. Прочитав «Письма с Понта», он спрашивает: «Где бы достать этого Овидия? Там, наверное, есть драгоценности, судя по этим стихам» [17. С. 199]¹.

Одну из причин, побудивших Ядринцева обдумывать псевдоним «Овидий с Томи», он называл сам: «...даже мой родственник поп сравнивал мою поселыщицкую тоску с грустью Овидия» [Там же].

Вообще говоря, «Овидий с Томи» не был единственным «изгнанныческим» псевдонимом Ядринцева. Используя, по его собственным словам, «бесчисленное количество» псевдонимов [18. Т. 4. С. 330], «старший» областник «дебютировал в “Искре” под именем Дант Семилужной волости...» [Там же. Т. 5. С. 247]².

Оба этих псевдонима Ядринцева были пронизаны самоиронией, прекрасно осознаваемой литератором. Так, в письме к Потанину, своему соавтору по работе над неоконченным романом «Тайжане», Ядринцев пояснял: «А прогос – и я с Томи. Каламбур о Томи и стихи Овидия я думал вложить в уста Бронислава в романе. Это был бы свифтовски-классический каламбур» [17. С. 199]. Заметим, что позиция Гребенщикова в «Письмах с Помпеяга», напротив, была напрочь лишена самоиронии.

Принадлежавшие к разным поколениям, Н.М. Ядринцев и Г.Д. Гребенщиков были связаны не только типологически, но и напрямую. Дело в том, что Гребенщикова нередко причисляют к генерации «младших» областни-

¹ Текст письма приведен в соответствие современным нормам орфографии.

² Об актуальности фигуры Данте для Ядринцева свидетельствует также упоминание автора «Божественной комедии» применительно к встреченным спустя четверть века «вне Сибири» друзьям юности и товарищам по университету: «С болью в груди, с ноющим сердцем они походили на тени Дантова ада, в безмолвных муках они протягивали руки и ожидали от бегущих волн ответа на неразгаданный вопрос их жизни» [18. Т. 4. С. 286].

ков, которые более или менее последовательно развивали и с помощью разных средств реализовывали идеологическую программу областничества¹. В часто цитируемом мемуарном очерке «На склоне лет его», посвященном Г.Н. Потанину и впервые опубликованном в пражском альманахе «Вольная Сибирь» в 1927 г., Гребенщиков писал: «Лишь значительно позже я стал догадываться, почему Григорий Николаевич относился ко мне с таким вниманием, т.е. почти с отеческой заботливостью. Быть может, он уловил во мне ту первобытную нетронутость народной почвы, на которой лучше прорастают его семена. Я был моложе всех, я был настоящий выходец из простой среды и, по его мнению, мог вспыхнуть настоящим пламенем его идей» [20. С. 129]. «И наконец, когда вышли мои первые книги сибирских рассказов, я получаю в Петербурге письмо от Г.Н. Потанина, из которого отчетливо помню взволновавшие и смутившие меня строки: “Знамя Ядринцева лежит неподнятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее”» [Там же].

Это потанинское желание сделать из Гребенщикова «нового Ядринцева» начинающий прозаик интерпретировал как стремление сделать его своеобразной «инкарнацией» самого Потанина – «новым Потаниным», а не Ядринцевым. По словам Гребенщикова, Потанин надеялся, что тот поднимет «ядринцевское, то есть его, потанинское, знамя <...>» [Там же].

Гребенщиковское истолкование интенции Потанина необходимо сопоставить с тем, как Потанин и Ядринцев описывали свое отношение друг к другу как лидерам сибирского областничества. В «Сибирских литературных воспоминаниях» (1884) Ядринцева читаем: «В беседах с Потаниным я не только сходил, но увлекался его умом, его планами, и он был для меня первым ментором, наставником; он же определил мое призвание. Я фанатически последовал его патриотической идее <...>» [18. Т. 4. С. 298]. Потанин, в свою очередь, оставил в своих «Воспоминаниях» такую характеристику Ядринцева: «Я почувствовал, что он пойдет во главе сибирского движения, которым уже веяло в воздухе, и что мне предстоит сделаться только его помощником» [Там же. Т. 6. С. 119].

Так или иначе, Ядринцев и Гребенщиков, связанные общим контекстом сибирской (нео)областнической мысли, в процессе автомифологизации ориентировались на Овидия в качестве ролевой модели, осложненной и «русифицированной» А.С. Пушкиным.

При этом в случаях Пушкина и Ядринцева самопроекции на Овидия, кроме опыта репрессий разной степени травматичности, способствовала (или даже провоцировала эти самопроекции) семиотически насыщенная географическая «аура». Пушкинская «южная» ссылка проходила относительно недалеко от городка, куда был сослан римский поэт. По точному замечанию М. Мейлаха, «Пушкин, хорошо зная, что и “проклятый город Кишинев”, и Одесса находятся довольно далеко от городка Томы, куда

¹ Специально о взаимоотношениях Гребенщикова с оказывавшим ему покровительство Г.Н. Потаниным см., например: [19].

был сослан римский поэт, тем не менее охотно с ним отождествляет места своей ссылкой» [21. С. 719]. В свою очередь, Ядринцев, биографически вообще никак не связанный с Бессарабией и некоторое время живший на берегах Томи, без труда сконструировал интертекстуальную отсылку к жителю Овидия, находившегося в ссылке в городке Томи, воспользовавшись созвучием топонимов и позиционируя себя с помощью псевдонима как очередную литературно-политическую «инкарнацию» Овидия.

Основания говорить о разнообразных влияниях творчества Пушкина на Ядринцева отыскиваются в обширном наследии лидера областничества без особого труда. Важно, что у Ядринцева, как и впоследствии у Гребенщикова, рецепция Пушкина поддерживалась житнетворческой установкой на восприятие и осмысление жизни сквозь призму словесности. Так, в его автобиографическом рассказе «Калмычка»¹ читаем:

Я стал помнить себя в барском доме своего отца с раннего детства на дворянском положении. Нас окружала домашняя прислуга: дворня, няня, горничные и прочие. Мы жили в маленьком пограничном городе Сибири, когда-то бывшей крепости... Но полуразрушенная крепость и заржавленные пушки, в которые мы совали тряпки и камни, уверенные, что сколько ни заряжай их, так и не выстрелят, напоминали мне впоследствии крепостцу в «Капитанской дочке» Пушкина [18. Т. 4. С. 204].

Кроме того, в мемуарной книге «Детство» (написанной предположительно между 1884 и 1888 гг.) Ядринцев вспоминает о «поэте-самородке» Мешалкине: «[Он] учил меня в детстве стихам Пушкина, Лермонтова, которых я знал множество наизусть» [Там же. С. 255]. О рано привитой ему любви к Пушкину и интенсивном чтении его произведений Ядринцев писал также в «Сибирских литературных воспоминаниях»: «У нас, гимназистов, был небольшой кружок, так же чуткий к литературе. Мы уже ранее кое-что читали, любили Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева <...>»; «Дух романтизма веял и на нас при восходах нашей жизни, мы усвоили любовь к искусству: хорошие стихи, прекрасные образы доставляли нам наслаждение. Мы зачитывались с детства Пушкиным, Гоголем, Тургеневым» [Там же. С. 305, 312].

Кроме того, сочинения Ядринцева содержат прямые самопроекции на образ автора «Капитанской дочки», вложенные, правда, в уста матери. В письме своему гимназическому товарищу Д.А. Поникаровскому от 29 марта 1879 г. Ядринцев писал: «Моя мать за мои юношеские литературные произведения называла меня не иначе, как “мой Пушкин”» [18. Т. 5. С. 247]. Несколько лет спустя в «Детстве» Ядринцев воспроизводит этот эпистолярный пассаж, добавив описания собственных переживаний по поводу материнской оценки его ранних литературных опытов: «Когда я начал, лет двенадцати, писать дневники и сочинять стихи, мать меня всегда с

¹ Первая публикация: Восточное обозрение. 1897. № 3, 5. Дата написания не установлена, предположительно рассказ создан между 1885 и 1890 гг. [18. Т. 4. С. 209].

нежной гордостью называла “мой Пушкин”, чего я ужасно стыдился, ибо само уже преувеличение было подобием сатиры» [Там же. Т. 4. С. 264].

Характерная связь между матерью протагониста и Пушкиным содержится и в итоговой книге Гребенщикова «Егоркина жизнь», жанр которой оформляется напряженным соотношением автобиографической повести и автоагиографии. Здесь Пушкин выполняет провиденциальную функцию «небесного покровителя» Егорки, а его образ контаминируется в сознании героя с фигурой его матери, в «буранливую ночь» читающей в избе пушкинское стихотворение «Буря мглою небо кроет...»: «...постучался кто-то столь родной и близкий и столь великий, столь все понимающий и знающий все подробности их жизни, что он никогда-никогда их не оставит, а Егорку поведет через тернистые пути его будущей жизни и поможет, поможет все перенести, все вытерпеть» [З. Т. 6. С. 141].

Здесь необходимо сделать оговорку. Разумеется, ни Ядринцеву, ни Гребенщикову не было свойственно систематическое «жизненное пушкинианство», т.е. «принятие образа Пушкина как образца человека, на который следовало ориентироваться в построении собственной личности», в той степени, в которой оно было характерно для множества литераторов эпохи русского модернизма [1. Р. 33]. Кроме того, подчеркнем, что все приведенные примеры не являются основаниями утверждать факт пушкинского «посредничества» в процессе автомифологизации Ядринцева и Гребенщикова. Однако тот факт, что оба литератора были хорошо знакомы с сочинениями Пушкина, неоднократно возвращались к ним в своем воображении и активно использовали в процессе «олитературивания» собственной жизни, делает это посредничество весьма вероятным. Иными словами, отсутствие прямых доказательств ориентации не только на Овидия, но и на Пушкина в процессе формирования сибирскими интеллектуалами «изгнаннических сюжетов», не отменяет значимости «пушкинской» оптики, с помощью которой они осмысливали и презентовали собственное (жизне)творчество.

Ситуация Гребенщикова, писавшего «Гонца» в Америке, вдали и от родной Сибири, и от «овидиевских» мест, предоставляла меньшие, нежели это было с Ядринцевым, возможности для автомифотворчества. Однако в американский период жизни он имел опыт решения проблемы самоидентификации с топонимами, находившимися на огромном расстоянии. Так, например, живя в деревне Чураевка, он регулярно риторически отождествлял ее со своей родиной Алтаем¹. Любопытно, что в обеих ситуациях мифотворческим усилиям Гребенщикова, кроме созвучия топонимов, способствовали географические реалии: ландшафтно-климатические условия Чураевки были действительно схожи с алтайскими, а название реки Помпераг оказалось отдаленно созвучно Понту.

¹ Ср. другой содержащийся в «Письмах с Помперага» пример работы Гребенщикова с созвучиями топонимов: «Война помешала мне построить что-нибудь на Белом озере. За то во время войны, на Карпатах, на левом берегу речки Пиркулап (чуть не Помпераг!) вместе с солдатами построили мы маленькую деревеньку» [22. С. 21].

Несколько иначе обстояло дело в случае Ядринцева. Как отмечает К.В. Анисимов, «в интеллектуальных построениях» Ядринцева «роль климата оказалась достаточно скромной» [23]. В этом состоит еще одно отличие подхода «старшего» областника от позиции Гребенщикова, уделявшего большое внимание концептуализации географии и климата.

Автопроекция на жизнеописание Овидия (через вероятное «посредничество» Пушкина), предпринятые Ядринцевым, осложненные и дополненные у Гребенщикова отсылкой к автомифологии «старшего» областника, в обоих случаях никоим образом не сводились к некоторой интертекстуальной «игре», а имели отчетливую инструментальную природу: эти автопроекции были призваны оформить сюжет о литераторе-изгое. Ключевое различие состояло в том, что в жизнеописании Ядринцева этот сюжет занял достаточно скромное место, тогда как Гребенщиков сделал его одним из центральных в структуре созданного им еще в сибирский период (1900–1910-е гг.) персонального мифа о «писателе из народа», находящемся в непрерывной конфронтации с враждебно настроенной интеллигенцией. Инкорпорируя в собственный мифо-биографический нарратив овидиевско-пушкинско-ядринцевский субстрат, Гребенщиков репрезентировал частную историю литератора-эмигранта (одну из десятков подобных) как вариацию архетипического сюжета о несправедливо гонимом властью Поэте.

Мифотворческий потенциал биографии Овидия, сделавший его парадигмальной фигурой для формирования традиции самоописания отечественных литераторов (как минимум – от А.С. Пушкина через О.Э. Мандельштама до И.А. Бродского), волей или неволей оказавшихся за пределами метрополии, был, как мы увидели, задействован и литераторами с сибирской окраины Российской империи.

Литература

1. Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age / ed. by B. Gasparov, R. Hughes, and I. Paperno. Berkeley ; Los Angeles ; Oxford : University of California Press, 1992. P. 19–51.
2. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск : СФУ, 2016. 468 с.
3. Гребенщиков Г.Д. Собрание сочинений : в 6 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. Т.Г. Черняевой. Барнаул : Издательский Дом «Барнаул», 2013.
4. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 56739/147.
5. ГМИЛИКА. ОФ. Ед. хр. 699/2.
6. Тиме Г. Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы) // Беглые взгляды: Новое прочтение русских travelogov первой трети XX века : сб. ст. / под ред. В.-С. Кисселя, Г. Тиме. М., 2010. С. 235–246.
7. Суматохина Л.В. М. Горький и писатели Сибири. М. : ИНФРА-М, 2013. 237 с.
8. Гаспаров М.Л. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1979. С. 189–224.
9. И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков: Переписка / вступ. ст., публ. и примеч. В.А. Росова // С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / под ред. Р. Дэвис, В.А. Келдыш. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 220–276.

10. *Бурдые П.* Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.
11. *Публий Овидий Назон.* Письма с Понта // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / изд. подгот. М.Л. Гаспаров, С.А. Ошеров. М., 1979. С. 86–160.
12. *Рерих Н.К.* Русский язык // Рерих Н.К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 155–156.
13. *Горбенко А.Ю.* Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2016. 206 с.
14. *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2000. С. 21–184.
15. *Немировский И.В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб. : Гиперион, 2003. 352 с.
16. *Макарова Е.А.* Формирование переселенческого дискурса в публицистическом творчестве Н.М. Ядринцева // Областная тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества / отв. ред. А.В. Малинов. СПб., 2010. С. 92–115.
17. *Письма* Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1 (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918. 234 с.
18. *Литературное наследие Сибири* : в 8 т. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969–1988.
19. *Черняева Т.Г.* «Обнимаю Вас как преданный сын Ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., вступ. ст., примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 5–44.
20. *Гребенщиков Г.Д.* На склоне дней его // Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост., автор вступ. статьи, примеч. Т.Г. Черняева. Барнаул, 2008. С. 120–140.
21. *Мейлах М.* Поэзия и власть // Лотмановский сборник. [Вып. 3] / ред. Л.Н. Киселева, Р.Г. Лейбов, Т.Н. Фрайман. М., 2004. С. 717–743.
22. *Гребенщиков Г.* Гонец. Письма с Помпеярага. М. : Международный Центр Рерихов : Фирма БИСАН-ОАЗИС : МАСТЕР-БАНК, 1996. 215 с.
23. *Анисимов К.В.* Климат как «закоснелый сепаратист»: Символические и политические метаморфозы сибирского мороза // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/an8.html> (дата обращения: 22.04.2019).

Ovids from the Province: Self-Myth-Making of Siberian Writers of the End of the 19th to the First Third of the 20th Centuries

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 65. 180–192. DOI: 10.17223/19986645/65/11

Aleksandr Yu. Gorbenko, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation), Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Keywords: Ovid, N.M. Yadrintsev, G.D. Grebenstchikoff, regionalism, emigration literature, self-myth-making, life-creating, role model.

The study is supported by the grant of the Government of the Russian Federation for state support of research conducted under the supervision of leading scientists (No. 075-15-2019-1884).

The article deals with the life-creating self-projections to Ovid, an exiled Roman poet, that N.M. Yadrintsev and G.D. Grebenstchikoff, significant Siberian writers of the 19th and 20th centuries, made. The research material includes the book *Gonets. Letters from Pom-*

peraug by Grebenstchikoff, some of his publicist articles, including those previously unpublished, Yadrintsev's and Grebenstchikoff's letters and memoirs, and their correspondence. The author referred to the methodology of life-creating studies by Yu.M. Lotman, I. Paperno, and I. Nemirovskiy, of P. Bourdieu's sociology of literature; to works on Siberian literature and culture by K.V. Anisimov, T.G. Chernyaeva, and E.A. Makarova; to works on the literature of Russian emigration by G. Time, E.E. Anisimova. The aim of the article is to examine the mechanisms of poetics and pragmatics of Yadrintsev's and Grebenstchikoff's life-creating strategy and their self-identification with Ovid. As a result of the research, the author came to the following conclusions. In emigration, Grebenstchikoff complicated the structure of his own biographic myth as a "common people" writer by the exile motif. By entitling his main publicist book *Gonets. Letters from Pomperaug*, which explicitly refers us to Ovid's *Epistulae ex Ponto* (Letters from the Black Sea), Grebenstchikoff coded his biographic narrative by using the biographic plot of the exiled Roman poet. Self-mythologization included mediators. A.S. Pushkin could be a mediator, since he was paradigmatic for the "Ovid text" of the Russian culture of the modern history. Yadrintsev was another mediator for Grebenstchikoff. Like Pushkin, Yadrintsev experienced political repressions and thus had substantial grounds for his self-projection to Ovid, which he expressed in his pseudonym—Ovid from the Tom River. Ovid's biography in Yadrintsev's perception and viewed through the prism of Pushkin's personal mythology had a high life-creating potential. Associations with Ovid's biography for both Yadrintsev and Grebenstchikoff had a clear instrumental nature, arranging and intensifying the plot about an exiled writer. The main difference was that this plot played a minor role in Yadrintsev's biography, while Grebenstchikoff made it one of the central parts in the structure of his personal myth, created during his Siberian period (1990s–1910s): a myth of the writer from "common people" who was under continuous pressure of the hostile intelligentsia.

References

1. Paperno, I. (1992) Pushkin v zhizni cheloveka Serebryanogo veka [Pushkin in the life of a Silver Age man]. In: Gasparov, B., Hughes, R. & Paperno, I. (eds) *Cultural Mythologies of Russian Modernism from Golden Age to the Silver Age*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press. pp. 19–51.
2. Anisimova, E.E. (2016) *Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoy literatury pervoy poloviny XX veka* [V.A. Zhukovsky's works in the receptive consciousness of Russian literature of the first half of the 19th century]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
3. Grebenstchikov, G.D. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Barnaul: Izdatel'skiy Dom "Barnaul".
4. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). OF. Item 56739/147.
5. State Museum of the History of Literature, Art and Culture of Altai (GMILIKA). OF. Item 699/2.
6. Time, G. (2010) *Izgnanie kak puteshestvie: russkiy vzglyad Drugogo (1920-e gody)* [Exile as a Journey: The Other's Russian View (1920s)]. In: Kissel, V.S. & Time, G. (eds) *Beglye vzglyady: Novoe prochtenie russkikh travelogov pervoy treti XX veka* [Quick Looks: A New Reading of Russian Travelogues of the First Third of the 20th Century]. Moscow: NLO. pp. 235–246.
7. Sumatkhina, L.V. (2013) *M. Gor'kiy i pisateli Sibiri* [M. Gorky and the writers of Siberia]. Moscow: INFRA-M.
8. Gasparov, M.L. (1979) *Ovidiy v izgnanii* [Ovid in exile]. In: Publius Ovidius Naso. *Skorbnye elegii. Pis'ma s Ponta* [Tristia. Epistulae ex Ponto]. Translated from Latin. Moscow: Nauka pp. 189–224.
9. Rosov, S.A. (ed.) (2002) I.A. Bunin i G.D. Grebenstchikov [I.A. Bunin and G.D. Grebenstchikov: Correspondence]. In: Davis, R. & Keldysh, V.A. (eds) *S dvukh beregov*:

Russkaya literatura XX v. v Rossii i za rubezhom [From two shores: Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow: IWL RAS. pp. 220–276.

10. Bourdieu, P. (2000) Pole literary [The literary field]. Translated from French by M. Gronas. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 45. pp. 22–87.

11. Publius Ovidius Naso. (1979) *Pis'ma s Ponta* [Epistulae ex Ponta]. In: Gasparov, M.L. & Oshero, S.A. (eds) *Skorbnye elegii. Pis'ma s Ponta* [Tristia. Epistulae ex Ponta]. Translated from Latin. Moscow: Nauka pp. 86–160.

12. Rerikh, N.K. (1974) *Iz literaturnogo naslediya* [From the literary heritage]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. pp. 155–156.

13. Gorbenko, A.Yu. (2016) *Zhiznestroitel'stvo G.D. Grebenshchikova: genezis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [G.D. Grebenstchikoff's Life-Building: Genesis, Mechanisms, Semantics, Context]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

14. Lotman, Yu.M. (2000) *Pushkin*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 21–184. (In Russian).

15. Nemirovskiy, I.V. (2003) *Tvorchestvo Pushkina i problema publichnogo povedeniya poeta* [Pushkin's oeuvre and the problem of the poet's public behavior]. Saint Petersburg: Giperion.

16. Makarova, E.A. (2010) Formirovanie pereselencheskogo diskursa v publitsisticheskom tvorchestve N.M. Yadrintseva [The Formation of Resettlement Discourse in the Publicistic Works of N.M. Yadrintsev]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Oblastnicheskaya tendentsiya v russkoy filosofskoy i obshchestvennoy mysli: K 150-letiyu sibirskogo oblastnichestva* [The regionalism trend in Russian philosophical and social thought: On the 150th anniversary of Siberian regionalism]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 92–115.

17. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potaninu]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Izdanie redaktsii zhurnala "Sibirskie Zapiski".

18. Trushkin, V.P. et al. (eds) (1969–1988) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: v 8 t.* [The literary heritage of Siberia: In 8 vols]. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.

19. Chernyaeva, T.G. (2008) "Obnimayu Vas kak predanny syn Vash": Georgiy Grebenshchikov i Grigoriy Nikolaevich Potanin ["I embrace you as your faithful son": Georgiy Grebenstchikoff and Grigory Potanin]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii)* [G.D. Grebenstchikoff and G.N. Potanin: A dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. Barnaul: Altai State University. pp. 5–44.

20. Grebenshchikov, G.D. (2008) Na sklone dney ego [In the latter days of his life]. In: Chernyaeva, T.G. (ed.) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokoleniy (pis'ma, stat'i, vospominaniya, retsenzii)* [G.D. Grebenstchikoff and G.N. Potanin: A dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. Barnaul: Altai State University. pp. 120–140.

21. Meylakh, M. (2004) Poeziya i vlast' [Poetry and power]. In: Kiseleva, L.N., Leybov, R.G. & Frayman, T.N. (eds) *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman Collection]. Vol. 3. Moscow: OGI. pp. 717–743.

22. Grebenshchikov, G. (1996) *Gonets. Pis'ma s Pomperaga* [Gonets. Letters from Pomperaug]. Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov: Firma BISAN-OAZIS: MASTER-BANK.

23. Anisimov, K.V. (2009) Klimat kak "zakosnelyy separatist": Simvolicheskie i politicheskie metamorfozy sibirskogo moroza [Climate as an "Inveterate Separatist": Symbolic and Political Metamorphoses of Siberian Frost]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 99. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/an8.html>. (Accessed: 22.04.2019).